

Уважаемые пользователи!

Обращаем ваше внимание на отсутствие с. 117-120, на которых по содержанию литературно-художественного альманаха «Ставрополье» №3-4, 1968 г. должен начинаться юмористический рассказ В. Логвинова «Справедливый человек». К нашему огромному сожалению, эти страницы безвозвратно утеряны.

Ковригина под руки, отвели домой и уложили в постель. Прокурор - бесчувственный человек. Жигайлов - жалкий трус, лишил человека удовольствия испробовать на своем лице крепость ковригинских кулаков.

— И вот дошел я до детонации,— продолжал Ковригин, то и дело вытаскивая из кармана платок и сморкаясь в него.— Неделю не ходил на работу, пригрозили выгнать.

Вот безобразники! Ни стыда, ни совести у них нет. У человека такое горе...

Уже стемнело. Уже давно закончился спектакль, погасли огни в окнах соседнего дома, а Ковригин и не собирался уходить. Мы сидели, курили, и Ковригин все доказывал, какой он несчастный человек и что на свете нет справедливости.

Я несколько раз порывался встать и сказать, что с меня хватит — на сегодня, по крайней мере. Но всякий раз, как только я собирался это сделать, я видел устремлённый на меня мученический взгляд, и я, чтобы не оскорбить его чувств и выразить свое сочувствие, говорил: «Да, смотрите, как нехорошо получилось. Надо же! Есть же такие!..»

— Есть, есть!— подхватывал Ковригин и снова пускался в рассуждения, а я нетерпеливо ерзал на стуле, крепясь изо всех сил, чтобы не упасть в обморок.

Наконец он поднялся. Промучив меня еще с полчаса у двери своими разговорами и взяв с меня обязательство, что я займусь этим делом, сказал на прощанье ледяным трагическим тоном:

— А ведь я верил, что на свете есть справедливость.

Я тут же мысленно поклялся, что скорее умру, чем дам упасть этой вере. Я сказал Ковригину, чтобы он не

отчаивался, что я постараюсь помочь ему (как — я не имел ни малейшего представления), чтобы он не забывал меня и иногда звонил (сказать, чтоб заходил, у меня не хватило духу).

Насквозь прокуренный, я ни на минуту не мог уснуть. Жалко было напрасно потерянного времени, жалко себя (мне еще предстояло объяснение с женой). Каким-то седьмым чувством я угадывал, что так просто от Ковригина мне не отделаться, что это начало моих бед.

Так оно и вышло. Назавтра Кавригин снова явился. Снова жаловался, что жизнь у него пропащая.

— Дошел до того, что пью каждый день. Пропил пальто и вообще всю инфантерию. Не на что даже опохмелиться. Даже курева не на что купить.

У меня в запасе были три пачки сигарет. Я упросил его взять сигареты, позволив себе оставить одну сигаретку. Все, что оставалось у меня от карманных расходов — три рубля сорок восемь копеек,— я переложил в его карман.

На следующий день он снова ко мне пришел. Кончилось дело тем, что я, спасая его душу, сунул ему десятку.

Он приходил чуть ли не каждый день — с извинениями и уверениями, что ему страшно неудобно меня беспокоить, но что же ему делать, если он такой несчастный человек и не может добиться справедливости. Я чувствовал себя затравленным зайцем и не знал, что делать, как спастись от этих визитов. В глубине души я надеялся, что Ковригина заберут в вытрезвитель или дадут ему пятнадцать суток, что его шарахнет молния, а может, ему просто надоест ко мне ходить. Но ему не надоедало. Я старался все свое свободное время проводить где-нибудь на улице, в парке, в кино. Но он всегда приходил в то

время, когда я был дома. Однажды я спрятался в кладовую. Жена сказала, что меня нет дома, на, что Ковригин ответил, что это ничего, что он подождет — он располагает; временем и может ждать сколько угодно. Просидев в кладовке с полчаса, я выбрался оттуда (а что мне оставалось делать?) и с возгласом неподдельного удивления и радости: «А, это вы! Очень рад. А я, понимаете, сидел в кладовке и, понимаете, уснул», бросился пожимать ему руку.

Ковригин охотно этому поверил и даже извинил мою сонливость.

Я ненавидел Ковригина. При виде его у меня начинались нервные конвульсии. Я потерял аппетит и сон, но просвета не видел. Я отдавал ему все деньги, какие у меня были. Пришлось занимать у соседей (он уже привык к тому, чтобы не уходить от меня с пустыми руками). Денег у меня не стало на хлеб, я был в отчаянии. И однажды, страшно смущаясь, я предложил ему взять кресло, думая, что он обидится, оскорбится. Нет, ничего, взял. Потом я предложил ему стулья — взял. Отдал пару запасных туфель — взял. Потом, рыдая, я отдавал ему кухонную посуду, подшивки газет, письменный стол, книжный шкаф, платья жены, наволочки и простыни — он все брал. Он унес бы с собой стены и потолок, если бы только мог это сделать. И каждый раз зловеще заявлял:

— А я верю в справедливость! Должна же она быть!

Я отдал ему все, что мог. У меня оставался только костюм — тот, что на мне, но мне не хотелось с ним расставаться. Я так ему и сказал. Это его удивило. Уходя, многозначительно заявил:

— А я думал, вы справедливый человек. Хорошо же!

Он писал на меня жалобы во все инстанции. Меня выгнали с работы — за нечуткость и неправильное отношение к жалобам трудящихся. Жена ушла от меня. Я запил горькую.

Я долго думал, чем я заслужил

такую черную неблагодарность. И понял, что виной всему был мой костюм. Дался он мне, этот костюм. Там и костюм-то — смотреть не на что. Третий год ношу.